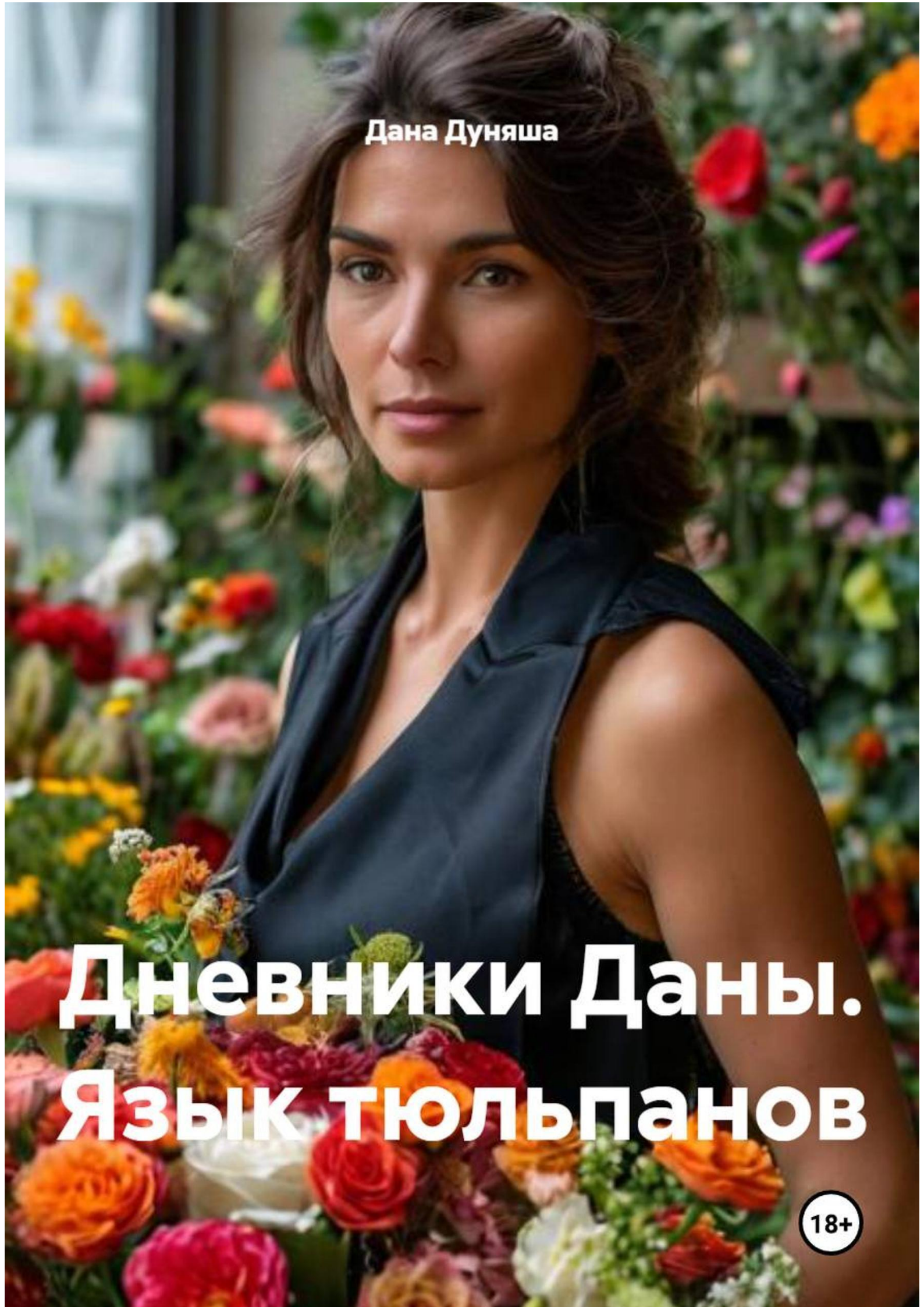

Дана Дуняша

Дневники Даны. Язык тюльпанов

18+

Дана Дуняша

Дневники Даны. Язык тюльпанов

«Автор»

2025

Дуняша Д.

Дневники Даны. Язык тюльпанов / Д. Дуняша — «Автор», 2025

Дана — успешная и независимая женщина, для которой любовь — это всегда яркий выбор и новый опыт. Её жизнь в ритме мегаполиса идеальна, пока случай в цветочной мастерской не знакомит её с Марком, флористом-художником. Он говорит на языке цветов и создаёт для неё целый мир нежности и страсти. Их роман — это чувственная композиция из ночей в оранжерее, букетов со смыслом и откровенной близости. Но когда речь заходит о будущем, оказывается, что их мечты растут из разной почвы: его тянет к земле и тишине, а её корни — в энергии города. Им предстоит понять, что даже самая прекрасная любовь иногда бывает сезонной. Готова ли Дана снова начать всё сначала?

© Дуняша Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1: Случайность, пахнувшая пионом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дана Дуняша

Дневники Даны. Язык тюльпанов

Часть 1: Случайность, пахнущая пионом

Глава 1

Если бы мне в семнадцать сказали, что к тридцати я буду считать разбитые сердца не трагедиями, а... скажем так, курсами повышения квалификации для души, я бы фыркнула и закатила глаза. Мол, какая пошлость. Но вот он я – мой тридцать первый, моя квартира на двадцать втором этаже с панорамным окном, в котором по ночам плавают огни небоскребов, и мой твердый внутренний баланс. Я самодостаточна. Это не громкое слово из мотивационных пабликов, а факт. Моя работа (я разрабатываю цифровые стратегии для арт-пространств) приносит мне не только деньги, но и кайф. Мои подруги – моя тихая гавань и источник оглушительного хохота одновременно. Моя жизнь отлажена, как швейцарский механизм.

Но у каждого механизма есть своя причуда. Моя – неумолимая тяга к мужчинам. Нет, не просто к мужчинам. К историям. К тем, что начинаются со взрыва фейерверка в груди и заканчиваются тихим, печальным дымком на рассвете. Я не цепляюсь за них. Я наслаждаюсь процессом. Искрой, горением, даже ожогами. После расставания я не лежу пластом, заедая страдания тоннами мороженого. Я анализирую. Делаю выводы. Плачу, иногда. А потом иду в салон и меняю цвет волос. Как сегодня.

Я провела пальцами по густым, еще пахнущим краской волосам медного оттенка. В зеркале смотрела на меня незнакомка с изумрудными глазами и дерзкой гримасой. Рыжая. Почему бы и нет? Последний, Антон-архитектор, любил блондинок. Значит, блондинке конец.

«Значит, Рыжуха – начало», – усмехнулась я себе и налила бокал красного, чтобы отпраздновать метаморфозу.

Вечером у Лены, моей лучшей подруги, был небольшой праздник – защита очередного сумасшедшего дизайн-проекта. «Ты просто обязана быть! И с букетом! Без твоего язвительного комментария по поводу моих клиентов праздник не в праздник», – писала она.

Букет. Вот незадача. Обычные розы из сетевого ларька у метро не годились. Лена ценила эстетику. Пришлось лезть в поисковик и искать что-то концептуальное. И я нашла: «Философия флора», крохотная студия в тихом переулке в центре. Отзывы пестрели словами «гений», «не как у всех», «он говорит с цветами».

«Ну, поговорим», – подумала я, направляясь туда на следующий день.

Глава 2

Бутик оказался не магазином, а порталом в другой мир. Не было витрин с яркой подсветкой. Вместо этого – приглушенный свет, бетонные стены, деревянные столы-срезы вековых деревьев. И цветы. Они были повсюду, но не стояли в ведрах. Они жили в прозрачных сосудах странных форм, висели корнями вверх, лежали на бархатных подушках, как драгоценности. Воздух был густым и пьяным от ароматов – тут и горьковатая полынь, и сладкий пион, и что-то древесное.

Я застыла на пороге, чувствуя себя незваным гостем на частной выставке.

– Пион говорит, что вы сомневаетесь, – раздался спокойный мужской голос слева.

Я резко обернулась. Он выходил из-за высокой этажерки с ящиками для срезки. Невысокий, в простой темной футболке, запачканной зеленью, с руками по локоть в земле и небольшими царапинами. Но не это бросилось в глаза. А взгляд. Серый, внимательный, изучающий. Он смотрел не на меня, а будто сквозь меня, на тот самый пион у входа.

– Простите? – выдавила я.

– Этот розовый пион у двери, – он кивнул в сторону пышного, только-только распускающегося цветка. – Он кокетничает, пытается привлечь внимание, но в его позе есть неуверенность. Как у вас, когда вы вошли. Вы не знаете, можно ли трогать, или нужно сразу назвать сорт. Я рассмеялась. Не потому, что было смешно, а от неожиданности.

– Вы даете всем цветам такие характеристики?

– Только тем, кто на них согласен, – он ответил совершенно серьезно, вытирая руки о полотенце. – Я Марк. Чем могу быть полезен?

Я объяснила про Лену, про дизайн, про необходимость чего-то «небанального, но не похоронного».

Он кивал, слушая внимательно, его глаза скользили по моим новым рыжим волосам, по простому, но дорогому крою моего пальто.

– Для подруги-победительницы... – он задумался, его пальцы легонько постукивали по деревянной столешнице. – Не букет. Композиция. Настойчивая, как ее характер, но с воздухом для будущего роста. Стержень из итальянского рускуса, вспышки ранункулюсов, как маленькие победы, и облако фрезии для аромата легкости. И одна героиня – протeya. Королевская. Несгибаемая. Как она.

От его слов у меня по спине побежали мурашки. Он не продавал цветы. Он сочинял портрет. С лёгкой ревностью я подумала, что хотела бы услышать, какой цветок он ассоциирует со мной. Но не спросила. Это было бы слишком... наглядно.

Пока он творил где-то в глубине мастерской, я рассматривала эскизы на стенах. Это были не рисунки, а чертежи чувств. «Тоска: иссиня-черные тюльпаны, изогнутые под тяжестью стеклянных капель». «Первая нежность: веточка цветущего миндаля в колбе с туманом».

– Готово, – его голос прозвучал прямо за моим плечом. Я вздрогнула. Он пахнул дождем, землей и чем-то острым – может, полынью.

Композиция в высокой узкой вазе из матового стекла была шедевром. Суровая, графичная, но не лишенная женственности. Идеально для Лены.

– Она будет в восторге, – прошептала я искренне.

Расплачиваясь, я почувствовала легкую грусть. Как будто прощалась не с деньгами, а с кусочком этого странного, тихого мира. Я взяла тяжелую вазу в обе руки.

– Подождите, – остановил меня Марк. Он подошел к холодильнику, достал один-единственный тюльпан. Не алый, а глубокого, почти черно-фиолетового оттенка. Его стебель был длинным и идеально прямым. – Возьмите. Для себя.

– Но я... не заказывала.

– Это не заказывают. Это дарят, – он протянул цветок, и его пальцы на мгновение коснулись моих. Кожа была шершавой от работы, но прикосновение – невесомым. – Он не должен теряться в толпе. Он для одиночного созерцания.

Я взяла тюльпан, не зная, что сказать. Просто кивнула.

– Спасибо.

– Приходите еще. Когда пион перестанет сомневаться, – он улыбнулся. Впервые. И в этой улыбке было столько понимания, тепла и какой-то хитрой игры, что у меня ёкнуло где-то под сердцем.

Глава 3

Тюльпан простоял в узкой вазочке на моем кухонном острове неделю. Каждый день, заваривая кофе, я смотрела на него. Он не увядал, а будто замирал, сохраняя свою сумрачную, королевскую красоту. Я не срывалась звонить или писать. Я ждала. С предвкушением, которого не испытывала давно.

Он написал сам ровно через семь дней. Сообщение было коротким: «Пион наконец-то раскрылся. На полную мощь. Интересно, что он скажет теперь? М.»

Я улыбнулась, глядя на экран. Ответила так же легко: «Наверное, требует зрителей. Или хотя бы одного внимательного.»

Приглашение прийти в оранжерею ночью звучало как начало плохого триллера. Но в его исполнении – как обещание чуда. «Заведение закрыто. Только цветы, тишина и, если повезет, луна. Если не боитесь темноты и запаха земли.»

Я пришла. В простых джинсах и свитере, чувствуя себя авантюристкой. Он открыл боковую дверь, пропуская внутрь. Воздух ударил в лицо – тёплый, влажный, густой и сладкий. В вышине под стеклянной крышей мерцали редкие лампы, имитирующие лунный свет. Тропические гиганты теснились в полумраке, пальмы роняли длинные тени, где-то капала вода. Это был собор природы.

Мы шли по узким дорожкам, и он рассказывал о каждом растении, как о старом друге. О капризной орхидее, которая цвела раз в пять лет. О могучем фикусе, пережившем три переезда. Его голос был частью этого ночного шепота листьев.

Потом мы сидели на старой скамье, заросшей мхом, пили терпкий травяной чай из термосов, и разговор тек сам собой. О детстве в деревне у бабушки, о первом заработанном миллионе (у меня), о провальной выставке (у него), о страхе быть непонятым и жажде оставить след. Я говорила больше, чем обычно. Он слушал, впитывая.

– А почему рыжая? – вдруг спросил он, глядя на мои волосы, отливающие медь в тусклом свете.

– Чтобы не быть блондинкой, – честно ответила я.

– Удачно, – он улынулся. – Этот цвет... он как осенний клен. Яркий, даже когда кажется, что все увядает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.